

Философические письма. Русско-европейский диалог. 2024. Т. 7, № 4. С. 176–194.

Philosophical Letters. Russian and European Dialogue. 2024. Vol. 7, no. 4. P. 176–194.

Научная статья / Original article

УДК 1(091)

doi:10.17323/2658-5413-2024-7-4-176-194

ПОНЯТИЕ «РЕФЛЕКСИИ» В КРИТИЧЕСКОЙ ОЦЕНКЕ РУССКИХ ПОЭТОВ XIX ВЕКА ВЛ. СОЛОВЬЕВЫМ

Ангелина Сергеевна Балабаева

Институт мировой литературы им. А. М. Горького,
Москва, Россия, angelinabalabaeva@gmail.com,

<https://orcid.org/0009-0002-6249-5435>

Автор, ответственный за переписку:

Ангелина Сергеевна Балабаева

Александр Сергеевич Апальков

Философский факультет Московского государственного
университета им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия;

Институт мировой литературы им. А. М. Горького,

Москва, Россия, aleksandr_apalkov@rambler.ru,

<https://orcid.org/0009-0000-5521-3714>

Аннотация. В статье проанализировано понятие «рефлексии» в литературной критике В. С. Соловьева применительно к поэтам XIX века. Критические работы Соловьева были тесным образом связаны с его философскими построениями: в частности, это нашло отражение в используемых философом

понятиях. Одно из центральных понятий в этом ряду — «рефлексия». Авторы статьи предполагают, что эта категория имеет широкий спектр значений в критических работах Соловьева, и выделяют три основных аспекта, в которых оно употребляется: 1) в творческом акте; 2) как мировоззренческая установка поэта; 3) в поэтической технике. Два первых анализируемых аспекта относятся к категории содержания поэтического произведения, третий — к форме. Как возможный элемент творческого акта рефлексия противопоставляется Соловьевым вдохновению как единственному подлинному источнику поэтического творчества и служит причиной прозаизации поэзии. На примере поэзии М. Ю. Лермонтова и Е. А. Баратынского философ рассматривает «рефлексию» как мировоззренческую установку поэтов. В то же время «критическая» рефлексия служит необходимым компонентом работы поэта над произведением.

Ключевые слова: Вл. Соловьев, литературная критика, поэзия XIX века, лирическая поэзия, рефлексия, гносеология

Благодарности. Исследование выполнено в Институте мировой литературы им. А. М. Горького РАН при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ, проект № 23-28-00800, <https://rscf.ru/project/23-28-00800>).

Ссылка для цитирования: Балабаева А. С., Апальков А. С. Понятие «рефлексии» в критической оценке русских поэтов XIX века Вл. Соловьевым // Философические письма. Русско-европейский диалог. 2024. Т. 7, № 4. С. 176–194. doi:10.17323/2658-5413-2024-7-4-176-194.

Memory of Culture

CONCEPT OF “REFLEXION” IN THE CRITICAL EVALUATION
OF RUSSIAN POETS OF THE 19TH CENTURY BY VL. SOLOVYOV

Angelina S. Balabaeva

A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Science,
Moscow, Russia, angelinabalabaeva@gmail.com,
<https://orcid.org/0009-0002-6249-5435>

Alexander S. Apalkov

Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia;
A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Science,
Moscow, Russia, aleksandr_apalkov@rambler.ru,
<https://orcid.org/0009-0000-5521-3714>

Corresponding author: Angelina S. Balabaeva

Abstract. The article analyses the notion of “reflexion” in Vladimir Solovyov’s literary criticism as applied to the poets of the 19th century. Solovyov’s critical works were closely connected with his philosophical constructions: in particular, it was reflected in the concepts used by the philosopher. One of the central concepts in this series is the notion of “reflexion”. The authors of the article suggest that this notion has a wide range of meanings in Solovyov’s critical works, identifying three main aspects in which it is used: 1) in the act of creation; 2) as a poet’s worldview; and 3) in poetic technique. The first two aspects analysed refer to the category of the content of the poetic work, the third to the form. As a possible element of the creative act, reflection is opposed by Solovyov to inspiration as the only true source of poetic creativity and serves as a reason for the prosaicisation of poetry. Using the poetry of M. Y. Lermontov and E. A. Baratynsky as an example, the philosopher considers “reflexion” as a world outlook of the poets. At the same time, “critical” reflection serves as a necessary component of the poet’s work on his work.

Keywords: V. S. Solovyov, literary criticism, 19th century poetry, lyric poetry, reflexion, gnoseology

Acknowledgments. The research was carried out at the A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (IWL RAS) funded by a grant from the Russian Science Foundation (RSF, Project No. 23-28-00800, <https://rscf.ru/project/23-28-00800>).

For citation: Balabaeva, A. S. and Apalkov, A. S. (2024) “Concept of ‘Reflexion’ in the Critical Evaluation of Russian Poets of the 19th century by Vl. Solovyov”, *Philosophical Letters. Russian and European Dialogue*, 7(4), pp. 176–194. (In Russ.).
[doi:10.17323/2658-5413-2024-7-4-176-194](https://doi.org/10.17323/2658-5413-2024-7-4-176-194).

При характеристике критического метода Владимира Сергеевича Соловьева (1853–1900) современные ученые традиционно следуют за самоопределением философа и относят его творчество к «философской» или — уже с собственным уточнением — к «религиозно-философской» критике. Очевидно, предполагается наличие некоего философского основания в критике Соловьева, которое обуславливает отбор материала, его интерпретацию и характер аргументации. Но, как справедливо заметили И. Б. Роднянская и Р. А. Гальцева, «свои статьи на эстетические и литературные темы Соловьев адресовал читающей публике, достаточно далекой от его философской и теологической терминологии, а главное — не проникшейся всей серьезностью его кредо» [Роднянская, Гальцева, 1991, с. 12]. Ориентация на широкий читательский круг предопределила то, что используемая в литературно-критических работах Соловьева терминология зачастую трансформируется и номинально не совпадает с той, которой мыслитель оперировал в своих чисто философских построениях. Такие «разночтения» зачастую вызывают трудности или ошибки при истолковании позиции Соловьева-критика. Вот почему, на наш взгляд, особую значимость приобретает изучение именно понятийного аппарата, применяемого Соловьевым в междисциплинарной области — на пересечении философии и литературы, когда он обращается к литературной критике. Историк русской литературы и философии Н. В. Котрелев справедливо указывал, что в творчестве Соловьева все теснейшим образом переплетено друг с другом: «Содержательные изменения в его лирике, тем более что они корреспондируют с движением его философской и богословской мысли и религиозной проповеди, необыкновенно важны именно в их последовательности» [Котрелев, 2023, с. 71]. Это замечание, на наш взгляд, можно распространить также и на область литературной критики Соловьева. При этом, как мы полагаем, прояснение понятий и терминов в литературно-критических статьях Соловьева, посвященных русской поэзии XIX века, невозможно без учета соловьевских философских работ, где он гораздо строже подходит к употреблению и терминов, и определений, в том числе следуя философским конструкциям европейских мыслителей, например Г. В. Ф. Гегеля, и одновременно оспаривая их (об этом см.: [Балабаева, 2024]).

Отдельно стоит отметить, что в современном литературоведении ведется активная работа по освоению литературной критики Соловьева. На необходимость всестороннего рассмотрения этой области творчества философа указывал еще А. Ф. Лосев, отмечая в написанной в середине 1980-х годов книге «Владимир Соловьев и его время», что литературно-критические статьи Соловьева «уже давно ждут обобщенно-диссертационного исследования» [Лосев,

2009, с. 577]. За два последних десятилетия вышло несколько ключевых работ, посвященных литературно-критической концепции Соловьева, — это прежде всего труды Н. Г. Юриной [Юрина, 2004; 2019] и Г. Х. Асадулаевой [Асадулаева, 2004; 2007, с. 30–37]. В настоящее время внимание специалистов сосредоточено как на анализе взглядов философа на конкретные фигуры поэтов (к примеру, А. А. Фета [Анохина, 2023а, с. 32–45], К. М. Фофанова [Тахо-Годи, 2023а; 2023b; 2023с]), так и на специфике определенных понятий, применяемых Соловьевым в литературно-критических работах (например, понятие «пессимистической поэзии» [Анохина, 2023b]). Помимо этого, как уже отмечалось ранее, необходимо вести эти исследования в связи прояснением понятийного аппарата Соловьева в области философии: в этом отношении особую роль играют работы историка философии А. П. Козырева, к примеру, по прояснению понятий «рациональное» и «мистическое» в философии Соловьева [Козырев, 2009; 2018], а также филолога Н. В. Котрелева (для нашего исследования важное значение имеют подробные комментарии автора к литературно-критическим работам Соловьева [Соловьев, 1990, с. 494–533], а также, к примеру, статья «История текста как континуум волеизъявлений автора: Вл. Соловьев. Ночное плавание: Из “Романцero” Гейне (М 203)», которая может служить превосходным примером анализа соловьевской лирики и мистики [Котрелев 2023, с. 47–78]). Очевидно, что актуальность анализа терминологического аппарата в литературно-критических работах мыслителя занимает на современном этапе как философов, так и филологов, обращающихся к соловьевской критике. Однако, несмотря на эти публикации, остается еще немало лакун, которые предстоит восполнить.

Одной из них является прояснение понятия «рефлексии». Анализируя роль рефлексии в теории познания Соловьева, старший научный сотрудник Института образования и гуманитарных наук БФУ им. И. Канта В. В. Балановский констатирует его неопределенный характер: указанные Соловьевым функции рефлексии в процессе познания позволяют отождествить ее с понятиями «рассуждение», «мышление» и «сознание». Это, по мнению исследователя, «соответствует докантовским рационалистическим гносеологиям, где в этом не было необходимости ввиду отождествления мышления и познания» [Балановский, 2011, с. 124]. Отчасти это может быть связано также с общей сложностью гносеологических построений философа, в которых, как отмечал В. В. Зеньковский, сложно обнаружить единство [Зеньковский, 2001, с. 498].

В целом к анализу и прояснению гносеологии Соловьева не раз обращались философы и историки русской философии. Вслед за кн. Е. Н. Трубецким, написавшим очень подробную и глубокую работу «Мирозерцание Вл. С. Соловьева» (1913), обратим внимание на то, что творчество философа может быть

разделено на несколько периодов: 1) подготовительный (1873–1882); 2) утопический (1882–1894); 3) окончательный (положительный) (1894–1900) [Трубецкой, 1913, т. 1, с. 87]. Несмотря на то, что все периоды творчества Соловьева были органично связаны друг с другом, тем не менее это также создает некоторые трудности при реконструкции цельной гносеологической системы философа. Одна из первых работ по теме — «О мистицизме и критицизме в теории познания В. С. Соловьева» (1901) А. И. Введенского, в которой автор выделяет два главных элемента в теории познания Соловьева: мистицизм и критицизм (кантианство) [Введенский, 2002, с. 184]. Наряду с этим необходимо вспомнить статью Э. Л. Радлова «Гносеология Вл. Соловьева» (1912–1913), в которой «мистическому прозрению» также отводится главенствующая роль в гносеологии философа. В процессе познания Радлов выделял три основных момента: веру, воображение (идеальное созерцание) и творчество. Вера (мистическое знание) — центр, объединяющий все виды знания [Радлов, 1912–1913, с. 316, 323]. Стоит также упомянуть работу В. Ф. Эрн с тем же названием — «Гносеология Вл. Соловьева» (1911), в которой автор полемизирует с Введенским и Радловым о разработанности теории познания Соловьева. Эрн также отводит особую роль мистическому элементу в учении Соловьева: «Соловьев всем организмом, т. е. духом, умом и телом одновременно, видел иную действительность, с ясностью, которая превосходит решительно все “интуиции” великих философов и ставит Соловьева непосредственно на ряду с божественным Платоном» [Эрн, 1994, с. 171–172]. Подводя итог анализу гносеологии Соловьева, Эрн пишет: «*Существенная действительность познаваемого открывается актом веры; сущность или идея познаваемого постигается воображением. То же, что воспринято верой и постигнуто воображением, актуализируется, т. е. воплощается в хаотическом материале ощущений — творчеством*» [Эрн, 1994, с. 235]. Таким образом, уже из ранних работ о теории познания Соловьева мы видим, что она сложна и в ней сочетаются как рациональный, так и мистический элементы. Но, несмотря на то что «мистика как род деятельности занимает в философской системе Соловьева верхнюю строчку в его классификации основных форм человеческого организма» [Козырев, 2018, с. 118], «рационалист в Соловьеве все время побеждает мистика» [Козырев, 2018, с. 140]. О сложности гносеологической системы Соловьева можно судить уже по тому, как сильно расходятся в ее оценках разные авторы: интересно, что Е. Трубецкой в упоминаемой ранее работе «Мирозозерцание Вл. С. Соловьева» не соглашается с точками зрения (в оценке теории познания Соловьева) всех ранее упомянутых авторов.

Отметим также то, что в этой работе Трубецкой пишет о «рефлексии» в учении Соловьева о Софии: рефлексия здесь понимается как рефлексия рели-

гиозно-мистического опыта, «попытка облечь его в рациональную логическую форму» [Трубецкой, 1913, т. 1, с. 354]. Балановский, анализируя место «рефлексии» в процессе познания Соловьева, писал, что «рефлексия» в гносеологии философа выступает в роли посредника между чувственным восприятием и умственным созерцанием, «подводит их данные под абстрактные понятия, систематизирует их и выстраивает необходимые логические связи» [Балановский, 2011, с. 123].

Мы предполагаем, что в литературно-критических работах Соловьева понятие «рефлексии» еще шире. Оно также оказывается взаимозаменяемо с категориями «ума», «рассудка» и «мышления». Причем, в зависимости от контекста оно перестает быть строгим термином и получает оценочную семантику. Мы выделили три аспекта, в которых реализуется понятие «рефлексии»: 1) роль рефлексии в творческом акте; 2) рефлексивность как мировоззренческая установка поэта; 3) рефлексия в поэтической технике. Следует заметить, что первый и третий аспекты, в сущности, связаны с поэтическим творчеством. И, несмотря на то что сам Соловьев утверждал «слитность содержания и словесного выражения» [Соловьев, 1991а, с. 402] как характерную особенность лирического произведения, здесь мы позволим себе провести границу между содержанием и формой. Процессу создания поэтического текста и его содержанию будет посвящен первый аспект. Форме и творческой отделке — третий.

Роль рефлексии в творческом акте

В. В. Бычков акцентирует внимание на том, что уже в ранней работе Вл. Соловьева «Философские начала цельного знания» (1877) им выделяются три сферы «общечеловеческой жизни», которые соответствуют трем основным формам бытия человека: 1) сфера *творчества*, основывающаяся на *чувстве*; 2) сфера *знания*, основывающаяся на *мышлении*; 3) сфера *практической жизни*, основывающаяся на *воле* [Бычков, 2007, с. 58; Соловьев, 2000b, с. 196]. Исследователь пишет, что «из этих трех общих сфер первенствующее значение принадлежит сфере творчества, а так как в самой этой сфере первое место занимает мистика, то эта последняя и имеет значение настоящего верховного начала всей жизни обще-человеческого организма (...), так как в мистике жизнь находится в непосредственной теснейшей связи с действительностью абсолютного первоначала, с жизнью божественною» [Бычков, 2007, с. 58].

В «Философских началах цельного знания» мы также находим данное Соловьевым обоснование сходства мистики и искусства: «1) и то и другое имеют своею основой чувство (а не познание и не деятельную волю); 2) и то и другое имеют своим орудием или средством воображение или фантазию (а не раз-

мышление и не внешнюю деятельность); 3) и то и другое, наконец, предполагают в своем субъекте экстатическое вдохновение (а не спокойное сознание)» [Соловьев, 2000b, с. 195]. По-видимому, источники творчества (и мистики) противопоставляются Соловьевым мышлению и воле как началам философии и нравственной деятельности. Однако они не противоречат друг другу, так как в действительности реализуют общее стремление к положительному всеединству. Оно обнаруживается в трех ипостасях: истины, добра и красоты.

Позднее, в «Чтениях о Богочеловечестве» (1878–1881), Соловьев проводит разделение между *механическим* (иначе — рассудочным) и *органическим* мышлением. Механическое мышление рассматривает предметы в «отвлеченной отдельности (...) и затем сопоставляет их между собою внешним образом», тогда как органическое мышление позволяет охватить предмет в его «всесторонней целостности», внутренней связи со всеми другими объектами [Соловьев, 2011, т. 4. с. 92]. Именно оно, в конечном счете, приводит к постижению истины. В своей сознательной форме органическое мышление присуще философам, а в непосредственной, до-логической свойственно народному духу.

Содержательно близкую оппозицию мы находим в статье «Рассудок—разум» (1899), написанной Соловьевым для энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона: здесь автор говорит о «дискурсивном» и «интуитивном» разумении. Дискурсивное разумение, как и механическое мышление, предполагает рассуждение, то есть, как формулирует Соловьев, «намеренное разделение и противопоставление мысленных элементов» [Энциклопедический словарь ... , 1899, т. XXVI, с. 195]. А интуитивное разумение исключает рассуждение, оно целостно. В качестве подтверждения данной идеи Соловьев приводит не что иное, как поэзию. Он подчеркивает: «...о поэтическом произведении, сочиненном по рассудку, говорится только в смысле порицания, как и о научном трактате, внушенном фантазией» [Энциклопедический словарь ... , 1899, т. XXVI, с. 195]. Поэзии, по Соловьеву, чужда лишь рассудочная деятельность, в то время как интуитивное разумение не просто согласуется с вдохновением, но и возвышается с его помощью.

Понятие «рефлексии» применительно к поэзии возникало уже в магистерской диссертации Соловьева «Кризис западной философии» (1874). Здесь рефлексия противопоставлялась вдохновению, а философ противопоставлялся художнику:

Обращаясь, наконец, к *художественному творчеству*, мы, находим, что хотя субъект его, несомненно, есть лицо художника, но, с другой стороны, для истинного творчества необходимо, чтобы художник не оставался при своем

ясном и раздельном сознании, а выходил бы из него в экстатическом вдохновении, так что чем менее личной рефлексии в произведении, тем выше его художественное достоинство. В противоположность всему этому *философское познание* есть заведомо действие личного разума, или отдельного лица во всей ясности его индивидуального сознания.

[Соловьев, 2000а, с. 40]

Это согласуется с концепцией вдохновения, которую разработал Соловьев в связи с анализом пушкинской поэзии (см.: [Балабаева, 2021]). Здесь вдохновение полагается главным условием поэзии. Соловьев провозглашает эстетическую аксиому: «...поэт не волен в своем творчестве» [Соловьев, 1991а, с. 328], что предполагает пассивность ума и воли поэта, невозможность сознательным усилием произвести на свет подлинное художественное произведение. Поэтическое выражение этой аксиомы философ видел в стихотворении Пушкина «Пророк», в котором, по его мнению, запечатлен идеальный образ поэта как выразителя высшей воли.

Сам Пушкин как человек не достиг и не мог достигнуть этого идеала, однако для Соловьева он все же был образцом вдохновенного поэта, как он писал, «*поэта по преимуществу*» [Соловьев, 1991b, с. 318]. В статье «Поэзия А. К. Толстого» (1894) творчество Пушкина названо «органическим», «непосредственным» [Соловьев, 1991с, с. 484] — в этом можно увидеть связь с идеей органического мышления из «Чтений о Богочеловечестве». Поэт не отделяет сознания от творческого процесса, не рефлексиирует над сущностью и значением поэзии. Соловьев признает обнаруживаемую у Пушкина рефлексиию за «постороннюю примесь», «пыль на чудесном алмазе» [Соловьев, 1991с, с. 486–487], вызванную мимолетной властью рассудочного мышления.

Таким образом, рефлексия, связанная с понятием «рассудка», исключается из поэзии, но при этом не исключается само мышление, которое, как мы сказали выше, можно назвать «интуитивным разумением». Это подтверждается творчеством Ф. И. Тютчева и А. К. Толстого — поэтов, которых Соловьев в статье «Поэзия А. К. Толстого» называет «поэтами гармонической мысли». Примиризм и вдохновение, они сумели найти поэтическое выражение для философского содержания, которое явно созвучно самому Соловьеву. Поэтому в статьях о Тютчеве и Толстом философ строит свое рассуждение на основе теоретических положений, напрямую связанных с творчеством разбираемого автора. Отдельные стихотворения становятся иллюстрацией выдвигаемых положений или поводом для дискуссии, как, например, в вопросе о мессианском предназначении России в творчестве Тютчева. Так возникает диалог философа и поэта.

Рефлексивность как мировоззренческая установка поэта

По мысли Соловьева, рефлексия становится определяющим принципом в творчестве и особенно в мировоззрении двух поэтов — М. Ю. Лермонтова и Е. А. Баратынского. Рефлексия разлагает цельность поэтического сознания, которая до того присутствовала в «органическом» творчестве Пушкина. Как отношение к действительности, рефлексия сближается с пессимизмом и скептицизмом (см.: [Анохина, 2023b]). Показательно, что «рефлексией» названо пессимистичное по своему духу стихотворение Пушкина «Дар напрасный, дар случайный...» (1828) — и от него, как считает Соловьев, поэт готов отказаться как от произведения, созданного не под властью вдохновения. Иначе — у Лермонтова и Баратынского. Соловьев пишет:

Критическое, отрицательное отношение к собственной жизни и к окружающей среде (...) обманчиво возводится здесь на степень безусловного принципа и становится господствующим настроением самой поэзии. От бессодержательности своей жизни, заключая к жизни вообще, эти поэты находят, что у нее нет смысла и цели; но в таком случае и поэзия, как высший цвет жизни, есть бессмысленный обман, и в конце всего остается только «пустая и глупая шутка».

[Соловьев, 1991с, с. 487]

Обращаясь к понятию «рассудка», напомним то определение рассудочного познания, которое Соловьев предлагает в «Кризисе западной философии»:

Отвлеченное или рассудочное познание состоит в разложении непосредственного, конкретного воззрения на его чувственные и логические элементы. Эти элементы не существуют сами по себе в отдельности, а только в своем сочетании, образующем действительный мир. (...) Когда абстрактный рассудок утверждает как безусловную или всецелую истину нечто такое, что имеет лишь частную или отвлеченную истину, и когда это несоответствие открывается отрицательным разумом или рефлексией, то необходимо, насколько безусловно было утверждение, настолько же безусловно является и отрицание.

[Соловьев, 2000а, с. 98–99]

Кажется, что трагедия разочарования представителей «пессимистической поэзии» с их рефлексией в чем-то схожа с описываемым Соловьевым кризисом западной философии, вызванным господством именно рассудочного мышления. Недаром Соловьев подчеркивает, что Баратынский в качестве «всецелой» истины принял «материалистические обобщения научных данных» [Соловь-

ев, 1991с, с. 488], то есть явно неполное, отвлеченное знание. В итоге столкновение этой «истины» с религиозно-поэтическим взглядом на мир привело его к разочарованию в последнем.

У Лермонтова рефлексивность проявляется в напряженной сосредоточенности на собственном Я. «Мысль [его], — пишет Соловьев, — из бесконечной дали стремится вернуться к себе, в глубине занята собою, обращается на себя» [Соловьев, 1991d, с. 384]. Любовная лирика Лермонтова концентрируется не на самом чувстве и не на его преображающей силе, а непосредственно на личном переживании поэта, обращается в «меланхолическую рефлексия» [Соловьев, 1991d, с. 386]. Чувство собственного превосходства, господствовавшее в душе Лермонтова, тоже имело, по Соловьеву, характер частной или отвлеченной истины. В статье о поэте философ говорит о предвестии ницшеанской идеи сверхчеловечества в поэзии Лермонтова, видит в нем родоначальника этого заблуждения [Соловьев, 1991d, с. 399]. Абсолютизация этого чувства, пренебрежение нравственными обязанностями гения приводят поэта к демонизму и фатализму.

Рефлексия в поэтической технике

Собственную задачу философской критики Соловьев формулирует в статье «Поэзия Я. П. Полонского» (1896) следующим образом: «...разобрать и показать, что именно из полноты всемирного смысла, какие его элементы, какие стороны или проявления истины особенно захватили душу поэта и по преимуществу выражены им в художественных образах и звуках» [Соловьев, 1991e, с. 530]. Однако — и это особенно касается статей Соловьева о современных ему поэтах — философ не пренебрегает «техническим» разбором стихотворений. Тем более, что сам, будучи поэтом, хорошо разбирался в тонкостях поэтического ремесла.

Самым распространенным недочетом, который фиксирует Соловьев, становится «прозаичность» поэзии второй половины XIX столетия. Прозаичность, в свою очередь, ставится им в один ряд с рефлексией, разумом и рассудком. Явно негативную оценку получают стихотворения «надуманные», как пишет Соловьев, написанные не «от вдохновения», а «от разума». Иронизируя над книгой поэта и литературного критика Н. М. Соколова «Эпос и лирика графа А. К. Толстого» (1890), Соловьев вполне серьезно замечает: «...элемент пластичности и живописи вовсе не враждебен поэзии (...) что ей действительно враждебно, так это элемент прозаичности, отвлеченной рефлексии» [Соловьев, 1991f, с. 578]. Неудачные стихотворения Я. П. Полонского он объясняет тем, что в них преобладает «рассудочная рефлексия и прозаический реализм» [Со-

ловьев, 1991е, с. 519]. Под прозаизацией, в частности, понимается прямолинейная дидактика, собственно лексические прозаизмы, несочетаемость образов. Так, например, в стихотворении А. А. Голенищева-Кутузова «Мы шли дорогою. Поля по сторонам...», посвященном русско-турецкой войне 1877–1878 годов, Соловьев указывает на «комичный прозаизм» последней строфы:

И ночь тиха была, и месяц, беспристрастно
На праведных и злых взирая с высоты,
«Не полно ль убивать друг друга вам напрасно?»
Шептал с улыбкою добра и красоты.

[Цит. по: Соловьев, 1991g, с. 461],

в которой неоправданно сочетаются широкие отвлеченные понятия «добро» и «красота» с тесным представлением «улыбки».

Наконец, обращает на себя внимание понятие «критической рефлексии», которое Соловьев употребляет по отношению к текстам К. К. Случевского: «...автор рефлектирует в самом своем творчестве, но не проверяет его результатов дальнейшей критической рефлексией» [Соловьев, 1991h, с. 542–543]. О необходимости отделки законченного произведения Соловьев пишет и по поводу прозы Случевского (в рецензии на сборник «Исторические картинки»), называя эту критическую способность «рассудочной способностью» [Соловьев, 1991i, с. 584]. Мы видим, что и здесь рефлексия связана с деятельностью рассудка, но к моменту окончания поэтического текста вдохновение отступает, и в свои права вступает рефлексия иного типа — «критическая», то есть аналитический ум. Наиболее явно упразднение антитезы между такой «критической рефлексией» и «умом» (отличным от «рассудка») проявляется, по мнению Соловьева, в поэтической работе Пушкина: философ неоднократно подчеркивает примат вдохновения в творческом процессе поэта, его «не придуманный», «не сочиненный» лирический порыв. Но право отделять и обрабатывать созданное «под высшим наитием» предоставляется именно «уму».

* * *

Таким образом, как мы пытались продемонстрировать, при анализе литературно-критических работ Соловьева важную роль играет прояснение понятийного аппарата, используемого философом, что невозможно сделать без опоры на философские работы мыслителя, где аналогичные понятия употребляются в строго фиксированном значении. Отказ Соловьева-критика от употребления точных философских терминов был связан прежде всего с тем,

что его статьи о поэтах XIX века публиковались в литературных журналах и были предназначены для широкого круга читателей. Одним из таких требующих уточнения терминов стало понятие «рефлексии». Оно функционирует в соловьевской критике как минимум в двух контекстах: как возможный компонент творческого акта и как мировоззренческая установка поэта. При этом в первом случае «рефлексия» и «рассудочное мышление» противопоставляются вдохновению как единственному источнику истинного творчества. Это отражается, в том числе, на форме стихотворения: следы рефлексивной, а не вдохновенной работы, по Соловьеву, сказываются в прозаизации поэзии. Но «критическая рефлексия», под которой понимается последующая работа «аналитического ума» над текстом, оценивается как необходимое условие для его завершения, и пушкинская тщательная отделка стихотворений являет прекрасную иллюстрацию этого тезиса. В творчестве Лермонтова и Баратынского «рефлексия» охватывает не только творчество, но и само мироощущение поэтов. В итоге рефлексивность вводит в заблуждение относительно бессмысленности жизни и оборачивается не только крайней разочарованностью, пессимизмом и скептицизмом, но и пренебрежением нравственными обязанностями гения, подчинения Я поэта демоническим силам.

Список источников

Анохина Ю. Ю. Лирика А. А. Фета в интерпретации Вл. Соловьева: к вопросу о методологии // *Litera*. 2023a. № 11. С. 32–45.

Анохина Ю. Ю. Понятие «пессимистическая поэзия» в статьях Вл. Соловьева о русской лирике // *Флагман науки*. 2023b. № 10. С. 489–494.

Асадулаева Г. Х. Литературная критика В. С. Соловьева: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Махачкала, 2004. 150 с.

Асадулаева Г. Х. Особенности критического метода Владимира Соловьева // *Вестн. Дагестанского государственного ун-та. Сер. 2: Гуманитарные науки*. 2007. № 6. С. 30–37.

Балабаева А. С. Личность и поэзия А. С. Пушкина в контексте литературно-критических работ Вл. С. Соловьева о русской поэзии // *Летняя школа по русской литературе*. 2021. Т. 17, № 3–4. С. 312–329.

Балабаева А. С. Философско-эстетические воззрения Г. В. Ф. Гегеля и В. С. Соловьева: к вопросу о влиянии // *Соловьевские исследования*. 2023. № 4(80). С. 40–55.

Балановский В. В. Гносеология Владимира Соловьева как проявление особого типа рациональности // *Соловьевские исследования*. 2011. Вып. 2(30). С. 117–135.

Бычков В. В. Русская теургическая эстетика. М.: Ладомир, 2007. 743 с.

Введенский А. И. О мистицизме и критицизме в теории познания В. С. Соловьева // Вл. Соловьев: Pro et contra: Личность и творчество Владимира Соловьева в оценке рус. мыслителей и исследователей: Антология. СПб.: Изд-во РХГИ, 2002. Т. 2. С. 182–208.

Зеньковский В. В. История русской философии. М.: Академический Проект, Раритет, 2001. 880 с.

Козырев А. П. Мистика в цепях разума: Автоматические записи Вл. Соловьева // Литература и религиозно-философская мысль конца XIX — первой трети XX века: К 165-летию Вл. Соловьева. М.: Водолей, 2018. Вып. 2. С. 117–144.

Козырев А. П. Рациональное и мистическое в философии Владимира Соловьева // Сущность и слово. Сборник научных статей к юбилею профессора Н. В. Мотрошиловой. М.: «Феноменология — Герменевтика», 2009. С. 541–551.

Котрелев Н. В. История текста как континуум волеизъявлений автора: Вл. Соловьев. Ночное плавание: Из «Романцero» Гейне (М 203) // За 50 лет: избранные труды. В 2 кн. М.: ИМЛИ РАН, 2023. Кн. 1. С. 47–78.

Лосев А. Ф. Владимир Соловьев и его время / предисл. А. А. Тахо-Годи, 2-е изд., испр. М.: Молодая Гвардия, 2009. 617 с.

Радлов Э. Л. Гносеология Вл. Соловьева // Логос. М.: Мусagetъ, 1912–1913. Кн. 1 и 2. С. 307–324.

Роднянская И., Гальцева Р. Реальное дело художника («Положительная эстетика» Владимира Соловьева и взгляд на литературное творчество) // Соловьев В. С. Философия искусства и литературная критика. М.: Искусство, 1991. С. 8–30.

Соловьев В. С. Буддийские настроения в поэзии // Соловьев В. С. Философия искусства и литературная критика. М.: Искусство, 1991g. С. 425–465.

Соловьев В. С. Значение поэзии в стихотворениях Пушкина // Соловьев В. С. Философия искусства и литературная критика. М.: Искусство, 1991b. С. 316–371.

Соловьев В. С. Иллюзия поэтического творчества // Соловьев В. С. Философия искусства и литературная критика. М.: Искусство, 1991f. С. 574–583.

Соловьев В. С. Импрессионизм мысли // Соловьев В. С. Философия искусства и литературная критика. М.: Искусство, 1991h. С. 542–548.

Соловьев В. С. Кризис западной философии (против позитивистов) // Соловьев В. С. Полн. собр. соч.: в 20 т. Сочинения / сост. Н. В. Котрелев, А. А. Носов. М.: Наука, 2000a. Т. 1. С. 38–139.

Соловьев В. С. Лермонтов // Соловьев В. С. Философия искусства и литературная критика. М.: Искусство, 1991d. С. 379–399.

Соловьев В. С. О лирической поэзии // Соловьев В. С. Философия искусства и литературная критика. М.: Искусство, 1991a. С. 399–425.

Соловьев В. С. Поэзия А. К. Толстого // Соловьев В. С. Философия искусства и литературная критика. М.: Искусство, 1991с. С. 483–506.

Соловьев В. С. Поэзия Я. П. Полонского // Соловьев В. С. Философия искусства и литературная критика. М.: Искусство, 1991е. С. 518–542.

Соловьев В. С. Разбор книги г. К. Случевского // Соловьев В. С. Философия искусства и литературная критика. М.: Искусство, 1991i. С. 583–605.

Соловьев В. С. Стихотворения. Эстетика. Литературная критика / сост., ст., коммент. Н. В. Котрелева. М.: Книга, 1990. 574 с.

Соловьев В. С. Философские начала цельного знания // Соловьев В. С. Полн. собр. соч.: в 20 т. Сочинения / сост. Н. В. Котрелев, А. А. Носов. М.: Наука, 2000b. Т. 2. С. 185–309.

Соловьев В. С. Чтения о Богочеловечестве // Соловьев В. С. Полн. собр. соч.: в 20 т. Сочинения / сост. Н. В. Котрелев, А. А. Носов. М.: Наука, 2011. Т. 4. С. 9–169.

Тахо-Годи Е. А. Лирика К. М. Фофанова в восприятии Вл. Соловьева. Часть 1 // Соловьевские исследования. 2023а. Вып. 2(78). С. 55–73.

Тахо-Годи Е. А. Лирика К. М. Фофанова в восприятии Вл. Соловьева. Часть 2 // Соловьевские исследования. 2023b. Вып. 3(79). С. 6–23.

Тахо-Годи Е. А. Лирика К. М. Фофанова в восприятии Вл. Соловьева. Часть 3 // Соловьевские исследования. 2023с. Вып. 4(80). С. 23–39.

Трубецкой Е. Н. Мирозерцание Вл. С. Соловьева. М.: Путь 1913. Т. 1. 631 с.

Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб.: Типография акц. общ. «Издат. дело, бывшее Брокгауз-Ефрон», 1899. Т. XXVI. 480 с.

Эрн В. Ф. Гносеология В.С. Соловьева // Сборник статей о В. Соловьеве. Брюссель, 1994. С. 167–258.

Юрина Н. Г. Литературно-критическая концепция В. С. Соловьева: истоки, становление, развитие: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Саранск, 2004. 213 с.

Юрина Н. Г. Литературно-художественное творчество В. С. Соловьева в контексте русской словесности второй половины XIX века (эстетика, поэтика, стиль): дис. ... д-р филол. наук: 10.01.01. Саранск, 2019. 685 с.

References

Anokhina, Yu. Yu. (2023a) “Lirika A. A. Feta v interpretatsii Vl. Solov’eva: k voprosu o metodologii” [“A. A. Fet’s Lyrics in the Interpretation of Vl. Solovyov: Towards a Question of Methodology”], in *Litera*, 11, pp. 32–45.

Anokhina, Yu. Yu. (2023b) “Ponyatie «pessimisticheskaya poeziya» v stat’yakh Vl. Solov’eva o russkoi lirike [“The Concept of ‘Pessimistic Poetry’ in Vl. Solovyov’s Articles on Russian Lyrics”], in *Flagman Nauki [Flagship of Science]*, 10, pp. 489–494.

Asadulaeva, G. Kh. (2004) *Literaturnaya kritika V. S. Solov'eva* [*Literary Criticism by V. S. Solovyov*]. Makhachkala.

Asadulaeva, G. Kh. (2007) “Osobennosti kriticheskogo metoda Vladimira Solov'eva” [“Peculiarities of Vladimir Soloviev's Critical Method”], in *Vestnik Dagestanskogo Gosudarstvennogo Universiteta* [*Bulletin of Dagestan State University*], 6, pp. 30–37.

Balabaeva, A. S. (2021) “Lichnost' i poeziia A. S. Pushkina v kontekste literaturno-kriticheskikh rabot Vl. S. Solov'eva o russkoi poezii” [“A. S. Pushkin's Personality and Poetry in the Context of V. S. Solovyov's Literary and Critical Works on Russian Poetry”], in *Letniaia Shkola po Russkoi Literature* [*Summer School of Russian Literature*], 17(3–4), pp. 312–329.

Balabaeva, A. S. (2023) “Filosofsko-esteticheskie vozzreniia G. V. F. Gegelia i V. S. Solov'eva: k voprosu o vliianii” [“Philosophical and Aesthetic Views of G. V. F. Hegel and V. S. Solovyov: On the Question of Influence”], in *Solov'evskie Issledovaniia* [*Solovyov Studies*], 4(80), pp. 40–55.

Balanovsky, V. V. (2011) “Gnoseologiya Vladimira Solov'eva kak proyavlenie osobogo tipa ratsional'nosti” [Gnoseology of Vladimir Solovyov as a Manifestation of a Special Type of Rationality], in *Solov'evskie Issledovaniya* [*Soloviev Studies*], 2(30), pp. 117–135.

Bychkov, V. V. (2007) *Russkaya teurgicheskaya estetika* [*The Russian Theurgic Aesthetics*]. Moscow: Ladomir.

Vvedenskii, A. I. (2002) “Omistitsizme i krititsizme v teorii poznaniya V. S. Solov'eva” [“On Mysticism and Criticism in V. S. Solovyov's Theory of Cognition”], in *Vl. Solov'ev: Pro et contra: Lichnost' i tvorchestvo Vladimira Solov'eva v otsenke rus. myslitelei i issledovatelei: Antologiya. Tom 2* [*Vl. Solovyov: Pro et contra: The Personality and Work of Vladimir Solovyov in the Assessment of Russian Thinkers and Researchers: Anthology. Vol. 2*]. St. Petersburg: Izdatel'stvo RKhGI, pp. 182–208.

Zen'kovskii, V. V. (2001) *Istoriya russkoi filosofii* [*The History of Russian Philosophy*]. Moscow: Akademicheskii Proekt, Raritet.

Kozyrev, A. P. (2018) “Mistika v tsepyakh razuma: Avtomaticheskie zapisi Vl. Solov'eva” [“Mysticism in the Chains of Reason: Automatic Records of Vl. Solovyov”], in *Literatura i religiozno-filosofskaya mysl' kontsa XIX — pervoi treti XX veka: K 165-letiyu Vl. Solov'eva. Vypusk 2* [*Literature and Religious-Philosophical Thought of the End of the 19th — First Third of the 20th Century: To the 165th Anniversary of Vl. Solovyov. Iss. 2*]. Moscow: Vodoley, pp. 117–144.

Kozyrev, A. P. (2009) “Ratsional'noe i misticheskoe v filosofii Vladimira Solov'eva” [“Rational and Mystical in the Philosophy of Vladimir Soloviev”], in *Sushchnost' i slovo. Sbornik nauchnykh statei kyubileyu professora N. V. Motroshilovoi* [*Essence and Word. Collection of Scientific Articles for the Anniversary of Professor N. V. Motroshilova*]. Moscow: “Fenomenologiya — Germenevtika”, pp. 541–551.

Kotrelev, N. V. (2023) “Istoriya teksta kak kontinuum voleiz”yavlenii avtora: Vl. Solov’ev. Nochnoe plavanie: Iz ‘Romantsero’ Geine (M 203)” [“History of the Text as a Continuum of the Author’s Will: Vl. Soloviev. Night Sailing: From Heine’s ‘Romancero’ (M 203)”], in *Za 50 let: izbrannye trudy. V 2 kn.: Kn. 1* [Over 50 years: Selected Works. In 2 books. Book 1]. Moscow: IMLI RAN, pp. 47–78.

Losev, A. F. (2009) *Vladimir Solov’ev i ego vremya* [Vladimir Soloviev and his Time]. Moscow: Molodaya Gvardiya.

Radlov, E. L. (1912–1913) “Gnoseologiya Vl. Solov’eva” [“Gnoseology of Vl. Soloviev”], in *Logos*, Moscow: Musaget, 1–2, pp. 307–324.

Rodnyanskaya, I. and Gal’tseva, R. (1991) “Real’noe delo khudozhnika («Polozhitel’naya estetika» Vladimira Solov’eva i vzglyad na literaturnoe tvorchestvo)” [“The Real Business of the Artist (‘Positive Aesthetics’ by Vladimir Soloviev and a View of Literary Creativity)”], in Solov’ev, V. S. *Filosofiya iskusstva i literaturnaya kritika* [Philosophy of Art and Literary Criticism]. Moscow: Iskusstvo, pp. 8–30.

Solov’ev, V. S. (1991g) “Buddiiskie nastroeniya v poezii” [“Buddhist Sentiments in Poetry”], in Solov’ev, V. S. *Filosofiya iskusstva i literaturnaya kritika* [Philosophy of Art and Literary Criticism]. Moscow: Iskusstvo, pp. 425–465.

Solov’ev, V. S. (1991b) “Znachenie poezii v stikhotvoreniyakh Pushkina” [“The Importance of Poetry in Pushkin’s Poems”], in Solov’ev, V. S. *Filosofiya iskusstva i literaturnaya kritika* [Philosophy of Art and Literary Criticism]. Moscow: Iskusstvo, pp. 316–371.

Solov’ev, V. S. (1991f) “Illyuziya poeticheskogo tvorchestv” [“The Illusion of Poetic Creativity”], in Solov’ev, V. S. *Filosofiya iskusstva i literaturnaya kritika* [Philosophy of Art and Literary Criticism]. Moscow: Iskusstvo, pp. 574–583.

Solov’ev, V. S. (1991h) “Impressionizm mysli” [“The Impressionism of Thought”], in Solov’ev, V. S. *Filosofiya iskusstva i literaturnaya kritika* [Philosophy of Art and Literary Criticism]. Moscow: Iskusstvo, pp. 542–548.

Solov’ev, V. S. (2000a) “Krizis zapadnoi filosofii (protiv pozitivistov)” [“The Crisis of Western Philosophy (Against the Positivists)”], in Solov’ev, V. S. *Polnoe sobranie sochinenii v 20 tomakh. Tom 1* [The Complete Works in 20 vols. Vol. 1]. Eds and notes by N. V. Kotrelev and A. A. Nosov. Moscow: Nauka, pp. 38–139.

Solov’ev, V. S. (1991d) “Lermontov” [“Lermontov”], in Solov’ev, V. S. *Filosofiya iskusstva i literaturnaya kritika* [Philosophy of Art and Literary Criticism]. Moscow: Iskusstvo, pp. 379–399.

Solov’ev, V. S. (1991a) “O liricheskoi poezii” [“About Lyric Poetry”], in Solov’ev, V. S. *Filosofiya iskusstva i literaturnaya kritika* [Philosophy of Art and Literary Criticism]. Moscow: Iskusstvo, pp. 399–425.

Solov'ev, V. S. (1991c) "Poeziya A. K. Tolstogo" ["The Poetry of A. K. Tolstoy"], in Solov'ev, V. S. *Filosofiya iskusstva i literaturnaya kritika [Philosophy of Art and Literary Criticism]*. Moscow: Iskusstvo, pp. 483–506.

Solov'ev, V. S. (1991e) "Poeziya Ya. P. Polonskogo" ["The poetry of J. P. Polonsky"], in Solov'ev, V. S. *Filosofiya iskusstva i literaturnaya kritika [Philosophy of Art and Literary Criticism]*. Moscow: Iskusstvo, pp. 518–542.

Solov'ev, V. S. (1991i) "Razbor knigi g. K. Sluchevskogo" ["A Parsing of the Book by g. K. Sluchevsky"], in Solov'ev, V. S. *Filosofiya iskusstva i literaturnaya kritika [Philosophy of Art and Literary Criticism]*. Moscow: Iskusstvo, pp. 583–605.

Solov'ev, V. S. (1990) *Stikhotvoreniya. Estetika. Literaturnaya Kritika [Poems. Aesthetics. Literary Criticism]*. Eds and notes by N. V. Kotrelev. Moscow: Kniga.

Solov'ev, V. S. (2000b) "Filosofskie nachala tsel'nogo znaniya" ["Philosophical Foundations of Integral Knowledge"], in Solov'ev, V. S. *Polnoe sobranie sochinenii v 20 tomakh. Tom 1 [The Complete Works in 20 vols. Vol. 1]*. Eds and notes by N. V. Kotrelev and A. A. Nosov. Moscow: Nauka, pp. 185–309.

Solov'ev, V. S. (2011) "Chteniya o Bogochelovechestve" ["Readings on the Humanity of God"], in Solov'ev, V. S. *Polnoe sobranie sochinenii v 20 tomakh. Tom 1 [The Complete Works in 20 vols. Vol. 1]*. Eds and notes by N. V. Kotrelev and A. A. Nosov. Moscow: Nauka, pp. 9–169.

Takho-Godi, E. A. (2023a) "Lirika K.M. Fofanova v vospriyatii Vl. Solov'eva. Chast' 1" ["The Lyrics of K. M. Fofanov in the Perception of Vl. Soloviev. Part 1"], in *Solov'evskie Issledovaniya [Soloviev Studies]*, 2(78), pp. 55–73.

Takho-Godi, E. A. (2023b) "Lirika K.M. Fofanova v vospriyatii Vl. Solov'eva. Chast' 2" ["The lyrics of K.M. Fofanov in the perception of Vl. Soloviev. Part 2"], in *Solov'evskie issledovaniya [Soloviev Studies]*, 3(79), pp. 6–23.

Takho-Godi, E.A. (2023c) "Lirika K.M. Fofanova v vospriyatii Vl. Solov'eva. Chast' 3" ["The Lyrics of K. M. Fofanov in the Perception of Vl. Soloviev. Part 3"], in *Solov'evskie Issledovaniya [Soloviev Studies]*, 4(80), pp. 23–39.

Trubetskoi, E. N. (1913) *Mirosozertsanie Vl. S. Solov'eva. Tom 1 [Worldview of V. S. Solovyov. Vol. 1]*. Moscow: Put'.

Entsiklopedicheskii slovar' Brokgauza i Efrona. Tom XXVI [The Encyclopaedic Dictionary of Brockhaus and Efron. Vol. 26] (1899) St. Petersburg: Tipografiya akts. obshch. "Izdat. delo, byvshee Brokgauz-Efron".

Ern, V. F. (1994) "Gnoseologiya V. S. Solov'eva" ["Gnoseology of V. S. Soloviev"], in *Sbornik statei o V. Solov'eva [A Collection of Articles about V. Soloviev]*. Brussels, pp. 167–258.

Yurina, N. G. (2004) *Literaturno-kriticheskaya kontseptsiya V. S. Solov'eva: istoki, stanovlenie, razvitie [Literary and Critical Concept of V. S. Soloviev: Origins, Formation, Development]*. Saransk.

Yurina, N. G. (2019) *Literaturno-khudozhestvennoe tvorchestvo V. S. Solov'eva v kontekste russkoi slovesnosti vtoroi poloviny XIX veka (estetika, poetika, stil') [Literary and artistic creativity of V. S. Solovyov in the context of Russian literature of the second half of the 19th century (Aesthetics, Poetics, Style)]*. Saransk.

Информация об авторах:

Ангелина Сергеевна Балабаева — младший научный сотрудник Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН. Адрес: Российская Федерация, 121069, Москва, ул. Поварская, 25а, стр. 1.

Александр Сергеевич Апальков — младший научный сотрудник Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН. Адрес: Российская Федерация, 121069, Москва, ул. Поварская, 25а, стр. 1; старший научный сотрудник ГБУК г. Москвы «Дом А. Ф. Лосева». Адрес: Российская Федерация, 119002, Москва, ул. Арбат, д. 33; аспирант кафедры истории русской философии философского факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова. Российская Федерация, 119991, Москва, ГСП-1, Ломоносовский просп., д. 27, корп. 4.

Information about the authors:

Angelina S. Balabaeva — Junior Researcher at the A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences. Address: 1 25a Povarskaya Str., Moscow, 121069, Russian Federation.

Alexander S. Apalkov — Junior Researcher at the A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences. Address: 1 25a Povarskaya Str., Moscow, 121069, Russian Federation; Senior Researcher of the State Budgetary Institution of Moscow “A. F. Losev’s House”. Address: 33 Arbat Str., Moscow, 119002, Russian Federation; Postgraduate Student at the Department of History of Russian Philosophy, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University. Address: 27/4 Lomonosovsky Avenue, GSP-1, Moscow, 119991, Russian Federation.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 03.11.2024;
одобрена после рецензирования 01.12.2024;
принята к публикации 10.12.2024.

The article was submitted 03.11.2024;
approved after reviewing 01.12.2024;
accepted for publication 10.12.2024.